

Отношение России и США к статус-кво в зоне карабахского конфликта

Михаил Агаджанян (Армения)

ведущий эксперт, начальник отдела, Институт политических исследований

Подходы главных внешних акторов в карабахском урегулировании к статус-кво в зоне конфликта имеют общеразделяемые точки зрения и одновременно значительные отличия. К общим подходам можно отнести заинтересованность и США, и России в жестком контроле ситуации в зоне конфликта на предмет предвидения возможности возобновления военных действий. Также к общей заинтересованности относится невовлечение в конфликт, при потенциальном возобновлении военных действий, третьих стран, прежде всего соседних региону конфликта – Турция и Иран.

Различия в вопросе статус-кво, с которыми многие эксперты в целом объективно связывают внешний контекст столь длительного продолжения ситуации «ни войны, ни мира», имеют следующее содержание.

Россия рассматривает нынешний статус-кво как относительно оптимальное равновесие в зоне конфликта и не стремится его расшатать. Подобный подход России присутствует и в других конфликтах на постсоветском пространстве¹. Во время бесед с представителями российского экспертного сообщества можно услышать следующую оценку, выражающую общее предпочтение России пока оставить все так, как есть: пересмотр статус-кво (здесь прежде всего и в первую очередь понимается вывод армянских сил с некоторых территорий Низинного Карабаха) практически неминуемо приведет к недовольству армянской стороны, после чего возможен резкий разворот Армении в сторону интенсификации отношений с евроатлантистами. Такое понимание имеет и свою обратную сторону: поддержка армянской стороны в вопросе легитимации ее

контролирования территорий Низинного Карабаха приведет к неминуемому провалу усилий Москвы создать ровный формат отношений с Баку. Таким образом, то или иное развитие событий по пересмотру статус-кво рассматривается как жесткая альтернатива (нет срединного варианта), после которой Россия или испортит свои отношения с Арменией, или с Азербайджаном. Соответственно, отсюда и максимально нейтральная формула российского руководства в карабахском урегулировании («стороны должны договориться сами, Россия же станет гарантом этой договоренности»)².

События августа 2008 года вызвали многочисленные оценки по поводу того, что после признания Абхазии и Южной Осетии Россия будет стремиться урегулировать свой конфликт с Западом путем достижения «обратной сделки» по Карабаху. Возможно, что в первые месяцы после 26 августа 2008 года (дня признания независимости Абхазии и Южной Осетии) данные оценки имели объективный характер. На нынешнем этапе скорее просматривается иной «сюжет» в политике России: признав Абхазию и Южную Осетию, Россия не может «домогаться» от Армении иного подхода, чем тот, который бы последовательно вел к закреплению существующего положения де-факто независимости Нагорного Карабаха в расширенных границах.

¹ Российские эксперты отмечают, что «... в большинстве случаев политика России в последние десятилетия была сфокусирована в первую очередь на предотвращении силового варианта разрешения конфликтов в соседних странах. Сегодня после кризиса вокруг Южной Осетии стало очевидно, что было бы лучше, если бы Россия более активно работала над обеспечением мирного разрешения этих замороженных конфликтов. В отсутствие взаимовыгодных решений, приемлемых для всех сторон, вовлеченных в конфликты, эта политика, безусловно, не являлась наилучшим вариантом». (Арбатова Н., Замороженные конфликты в контексте европейской безопасности // Индекс безопасности, № 3 (94), осень 2010).

² Данная формула не новость в современной дипломатии вокруг урегулирования самых сложных межгосударственных конфликтов. Это максимально сбалансированная позиция какой-либо страны, выступающей ведущим посредником в процессе урегулирования. Можно привести пример США, как ведущего посредника в затяжном палестинско-израильском конфликте. Совсем недавно Государственный секретарь США Х. Клинтон в очередной раз обозначила официальную позицию своей страны в палестинско-израильском урегулировании: «Со своей стороны Соединенные Штаты обещают полную поддержку переговорам и мы будем активным партнером. ... это в интересах национальной безопасности США, чтобы переговоры были успешными. Но мы не можем и не будем навязывать решение. Только Израиль и Палестинская администрация могут принять решения, необходимые для достижения соглашения и обеспечить мирное будущее для израильского и палестинского народов». (Hillary Rodham Clinton, Remarks With Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu, and Palestinian Authority President Mahmoud Abbas, Washington, September 2, 2010).

Позиция России по приверженности сохранению статус-кво подверглась критике со стороны некоторых экспертов также под углом зрения нарастающего углубления российско-турецких отношений. Ныне эти отношения весьма далеки от того, чтобы рассматриваться в ключе тесного внешнеполитического взаимодействия России и Турции по наиболее актуальным вопросам. Такого взаимодействия нет ни в вопросе ядерной программы Ирана, ни в вопросе совместных действий по гашению недавно обострившихся внутривосточных и межгосударственных отношений в Центральной Азии³, ни в вопросе Карабаха. Более того, по всем указанным вопросам просматривается увеличение уровня подозрительности сторон друг к другу в ключе «перехвата дипломатической инициативы» и «предложения своих услуг в неподходящем формате» (показательными в этом отношении можно считать усилия Турции, совместно с Бразилией, по заключению соглашения с Ираном о предложении схемы легитимного обогащения ядерного топлива последнего – 17 мая 2010 года). Помимо определенной подозрительности Москвы по поводу гиперактивного внешнеполитического курса Анкары в регионе, также сохраняется фактор неготовности Турции пересмотреть свои отношения с НАТО и ЕС в принципиальном ключе: количество заявлений турецкого руководства по поводу принципиальной приверженности сохранению своего членства в НАТО и стремления к членству в ЕС увеличилось и данные заявления стали еще более категоричными.

Развитие российско-турецких отношений находится в поле внимания США и надо сказать, что в последнее время данное внимание стало приносить свои плоды в виде инкорпорирования американцами в отношения между Москвой и Анкарой элементов недоверия и недопонимания, что указывает на большую готовность России к налаживанию отношений с Западом, на боль-

³ Развитие событий показывает, что Турция намерена взаимодействовать в урегулировании, например, ситуации в Киргизии не с Россией, а Казахстаном. Это обосновывается председательством Казахстана в ОБСЕ и местоположением страны непосредственно в Центральной Азии, а также председательством Турции в Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), но от этого не становится менее заметным определенное «пренебрежение» роли России в регионе и тем более в Киргизии. Так, находившийся с визитом в Казахстане министр иностранных дел Турции А. Давутоглу 21 июня этого года заявил, что Казахстан и Турция будут разрабатывать совместные действия: какая помощь будет оказана Киргизии в экономической, дипломатической и сфере безопасности.

шую заинтересованность внешнеполитического руководства России в безконфронтационном развитии отношений с Западом, чем в том же на турецком направлении и тем более за счет интересов Запада. В этом отношении оказался весьма интересен следующий сигнал из Москвы, кстати, малозамеченный в экспертном сообществе заинтересованных стран. 21 августа 2010 года заместитель министра иностранных дел России С. Рябков заявил: «Мы считаем, что такую встречу (встреча для обсуждения схемы топливозамещения для исследовательского реактора Ирана – **прим. автора**) проводить нужно, причем чем быстрее, тем лучше. Ранее высказывались в пользу того, что к участию в этой встрече были бы приглашены представители Турции и Бразилии в качестве стран, которые совместно с Ираном на высшем уровне подписали 17 мая Тегеранскую декларацию. Готовы и дальше взаимодействовать в этом формате. Если будет сочтено целесообразным проводить встречу в более узком формате, без Турции (подчеркнуто нами – **прим. автора**) и Бразилии, для нас это не составит проблем».

Конечно, трудно говорить о скоординированности действий России и США на иранском направлении в свете склонения Турции на сторону сдерживания ядерной программы Ирана, но некоторая последовательность событий указывает, если и не на скоординированность, то хотя бы на взаимоучет позиций друг друга со стороны Москвы и Вашингтона. Так за несколько дней до указанного выше заявления С. Рябкова имел место широко обсуждавшийся в последствии в масс-медиа и экспертных обсуждениях телефонный разговор между президентом США и премьер-министром Турции (6 августа)⁴.

Да и в самой России былая экспрессия по поводу развития отношений с Турцией уже поставлена под вопрос, на что указывают многие публикации в прессе и непосредственные экспертные оценки⁵.

⁴ 16 августа 2010 года британская «The Financial Times» со ссылкой на свои источники сообщила, что Б. Обама в ходе проведенного 6 августа этого года телефонного разговора с Р. Эрдоганом заявил, что позиция Анкары в отношении Ирана и Израиля все чаще вызывает в Конгрессе вопрос, действительно ли Турция является союзником?

⁵ По этому поводу можно привести оценку гендиректора Фонда национальной энергетической безопасности Симонова К.: «... последние наши заигрывания с Турцией – решение, принятое очень поспешно, последствия которого до конца не продуманы. С Турцией у нас у самих немалые стратегические сложности: взять ситуацию опять же энергетики. Турция проводит крайне недружественную по отношению к России политику, предлагая себя в качестве

Считаем, что усилению настроений в России по необходимости сохранения нынешнего статус-кво в зоне карабахского конфликта, помимо прочего, способствует резкое ухудшение турецко-израильских отношений. Позиции еврейского лобби в России весьма сильны, хотя они и менее разрекламированы по сравнению с позициями еврейского лобби в США. Для еврейского лоббирования, где бы оно не разворачивало свой потенциал, присуще четкое следование следующему принципу: если какая-либо страна проводит политику ущемления интересов Израиля, необходимо создать противовес для сдерживания данной политики и ее нейтрализации. В этом контексте к вопросу Геноцида армян прибавится и вопрос сдерживания вовлечения Турции в посреднические миссии по наиболее актуальным конфликтам региона (Израиль не желает посредничества Турции в вопросе ядерной программы Ирана, и будет проводить последовательный нейтрализующий курс по всему периметру возможных вовлечений Турции в посреднические усилия). Возможно, этим (скоординированными усилиями еврейского лобби в Москве и Вашингтоне), помимо прочего, и обусловлена наибольшая принципиальность и России, и США по недопустимости связывания вопросов армяно-турецкой нормализации и карабахского урегулирования, а также по нейтрализации стремлений Турции легитимизировать свое посредничество в регионе.

В целом можно заключить, что позиция России по статус-кво в зоне карабахского конфликта обнаруживает объективные проявления позиции страны, в наибольшей степени (по сравнению с США или ЕС) «находящейся в регионе». Страны, географически примыкающие к зоне конфликта, объективно не могут желать дестабилизации, а если они и будут стремиться к пересмотру статус-кво, то взамен они должны получить нечто настолько важное, что перевесит возможность дестабилизации на их границах. Ни в отношении России, ни в отношении Ирана (как стран, непосредственно примыкающих к зоне конфликта) таких «перевешивающих» возможностей на нынешнем этапе, на которые бы согласились, например США, не наблюдается.

Текущий этап реализации внешнеполитического курса России содержит большие неопреде-

ленности на актуальных направлениях этого курса. Так, российские эксперты указывают на альтернативы России для выработки наиболее оптимального курса, а сами по себе эти альтернативы представляются не до конца продуманными⁶. В этих условиях российская дипломатия не может позволить себе «роскошь» в виде расконсервации карабахского конфликта тогда, когда налицо неопределенность и зыбкость ее позиций на других актуальных внешнеполитических направлениях. Тем более подобная роскошь со стороны России нереалистична в связи с трудностями Москвы непосредственно на постсоветском пространстве и даже в двусторонних отношениях с казальсь бы по определению беспроблемными партнерами. Нам не раз приходилось слышать в частных разговорах с российскими коллегами одну мысль, указывающую на неготовность Москвы ставить под удар свои отношения с Ереваном: «нас все пытаются «кинуть», и только армяне всегда рядом с нами»⁷.

⁶ Помимо общих альтернатив в виде приоритета развития сотрудничества с США, ЕС, Китаем, перед Россией стоит ряд конкретных вопросов. Так, эксперт Института проблем международной безопасности РАН России А. Фененко, анализируя курс России на Балканах, отмечает, что «России следует переосмыслить свои приоритеты на Балканах. Москве следует бороться за сохранение «болгарского ресурса». Но на перспективу важно подумать о поиске альтернативного партнера. Теоретически здесь возможны три варианта. Однако их реализация потребует корректировки российских приоритетов. Первый вариант – развитие отношений с Турцией. Второй вариант – усиление диалога с Румынией. Третий вариант – усиление взаимодействия с Венгрией... За энергетическими трудностями просматриваются и будущие военно-политические проблемы. С 2004 года российские эксперты опасались, что вступление в НАТО Румынии и Болгарии может изменить соотношение военно-морских сил на Черном море. Превращение Софии в опору США может создать условия для реализации этого сценария. Воспользуется ли Россия турецким, румынским или венгерским ресурсом, не поступившись своими ключевыми приоритетами на Балканах?» (Фененко А., Балканские альтернативы // «Независимая газета», 17.06.2010).

⁷ В публичном экспертном звучании данная мысль представлена, например, в следующем виде: «Армения действительно остается одним из наиболее последовательных союзников России на постсоветском пространстве и с ней практически не возникает «недопониманий», которые Россия периодически имеет, например, с Белоруссией... В экономических вопросах Ереван, в отличие от того же Минска, ведет себя достаточно последовательно и старается всегда платить по счетам. Если есть долг - старается погасить вовремя, если не деньгами, то активами. Наконец, многочисленная армянская диаспора в России также способствует поддержанию двустороннего диалога на должном уровне. В общем, в отношениях между Россией и Арменией существует баланс прагматики и «просто дружбы», что

главного транзитного пути по поставкам углеводородов, альтернативных российским, в Европу, что полностью противоречит нашим интересам». (Никто не согласен на компромисс // газета «Взгляд» (электронное периодическое издание), 19 августа 2010, <http://vz.ru/politics/2010/8/19/426519.html>).

Позиция США в вопросе статус-кво имеет свои отличия от позиции России. Вашингтон абсолютно далек от того, чтобы понимать (или умышленно интерпретировать) причину карабахского конфликта в турецком ключе: в своей статье в журнале «Россия в глобальной политике» (№ 1, январь-февраль 2010) министр иностранных дел Турции А. Давутоглу прямо отметил, что «оккупация азербайджанских земель Арменией, ставшая причиной конфликта вокруг Нагорного Карабаха (подчеркнуто нами – прим. автора), затруднила дальнейшее сотрудничество в региональном и общемировом масштабе». Но, одновременно, позицию США также не следует понимать и в ключе, близком к российскому подходу.

Заявления российского руководства никогда открыто не содержали тезиса о том, что «статус-кво необходимо менять». Заявления американского руководства также не содержали подобной формулировки, но в них просматривался близкий к этому тезис: «нынешний статус-кво нас не устраивает» (были еще более «продвинутые» формулировки, которые, правда, отличаются своей определенной нелогичностью (слова посла США в Армении М. Йованович во время лекции в Американском университете Армении, 2 июня 2010 года: «нынешний статус-кво не выгоден никому»)⁸.

США воспринимают конфликт через призму своих геополитических и геоэкономических приоритетов, поэтому, взгляд Вашингтон на конфликт постоянно соотносит его интересы по урегулированию конфликта с отношениями заинтересованных государств. Это взгляд крупнейшей державы, которая не склонна углубляться в существо конфликта. Указанное не означает, что США склоны к взаимоувязки карабахского урегулирования с другими вопросами («сделочный стиль» политики), а только констатирует предрасположенность Вашингтона к слежению за динамикой и содержанием урегулирования конфликта через постоянный анализ своих отношений с Россией и, отчасти, с Турцией. Другими словами, если Россия больше ориентируется на подходы непосредственных сторон конфликта, то в Вашингтоне оценивают положение через

устраивает власти обеих стран». (Салин П., <http://actualcomment.ru/theme/730/>, 29.08.2009).

⁸ Если бы это было на самом деле так, то статус-кво был бы трансформирован в ближайшем будущем. Существование статус-кво говорит о том, что он выгоден по меньшей мере одному субъекту в карабахском урегулировании, без уточнения о том, что этим субъектом выступают НКР, Армения, Россия или те же США.

свои отношения с внешними урегулированию акторами⁹.

Это косвенно выразилось в ходе процесса армяно-турецкой нормализации. Хотя США сумели воздержаться от того, чтобы связать этот процесс и процесс карабахского урегулирования в единый контекст, однако, их позиция не была до конца принципиальной на этот счет (в отличие от категоричных заявлений российского руководства). В Вашингтоне решили выбрать срединный путь, высказываясь не о взаимосвязи, а о параллельности этих двух процессов. Тем самым, взгляд США на развития в процессе карабахского урегулирования не мог быть изолирован от событий в армяно-турецком процессе. Параллельность скорее указывает на взаимовлияние, чем на изолирование этих процессов друг от друга.

В содержательно-субъектном наполнении понятия «карабахский конфликт» (Армения – НКР – Азербайджан) для США не осталось вопросов: уже несколько лет очевидным в Вашингтоне представляется бесповоротность де-факто независимости НКР и невозможность вхождения Арцаха в каком-либо виде в состав Азербайджана. Поддержание статус-кво не рассматривается в США в подобном бесповоротном смысле и в целом там привержены воспринимать общую схему урегулирования конфликта в виде упрощенной формулы «территории взамен на статус». Вопрос состоит во временном (когда предпринять) и содержательном (в каком формате) осмыслении целесообразности трансформации статус-кво в зоне конфликта.

Важно отметить, что в заявлениях американского руководства статус-кво никогда не преподносился исключительно в территориальном аспекте. Говоря о статус-кво, США понимают более широкий характер этого явления, включая сюда и экономическую, и гуманитарную, и внешнеполитическую составляющие. В отношении последней это не означает, что США намерены в видимой перспективе рассматривать вовлечение третьих стран в конфликт под каким-либо полезным для своих интересов видом. Здесь правиль-

⁹ Американские эксперты, занимающие в целом более благоприятные по отношению к Азербайджану позиции, пытаются сделать логические выводы из общего геополитического взгляда США на карабахский вопрос. Так, директор аналитического центра «STRATFOR» Дж. Фридман указывает, что «логика американской позиции заключается в том, что США в отношении Кавказа должны мыслить стратегически, а исходя из этого логика и региональная динамика склоняют к тесным отношениям с Азербайджаном». (Friedman G., *The Caucasus Cauldron // STRATFOR*, July 7, 2010).

нее говорить так: США говорят о целесообразности трансформации статус-кво тогда, когда это может (в их понимании) способствовать усилению собственных позиций в регионе и на его границах, и, соответственно, вести к ослаблению позиций России, Турции и Ирана¹⁰.

В самых общих чертах, без углубления в мало предсказуемые детали возможных развитий (трудно прогнозировать нюансы развития событий в случае трансформации статус-кво в зоне конфликта), плюсы для США могут выражаться в следующем.

1. В отношении **Ирана** можно предположить, что трансформация статус-кво приведет к усилению разговоров о введении в зону конфликта миротворческих контингентов и эти разговоры будут касаться в первую очередь территорий Низинного Карабаха, примыкающих к Ирану. Очевидно, что придавать слишком большое значение этим разговорам или даже непосредственным действиям для размещения контингентов не следует в условиях и без того плотного взятия американскими войсками Ирана в кольцо (дислокация американцев в Ираке, Афганистане, в зоне Персидского залива). Здесь для США интерес будет оцениваться в том, что гипотетический вывод армянских сил с южных территорий Низинного Карабаха приведет к дистанцированию Ирана от Армении и значительной переориентации Ирана на Азербайджан. Последнее не

может не затронуть азербайджано-турецкие отношения: Баку станет менее зависим от Анкары.

2. В отношении **Турции** можно предположить, что трансформация статус-кво в зоне конфликта приведет к осложнению турецко-иранских и турецко-российских отношений. Больше всего на нынешнем этапе трансформации статус-кво из числа крупнейших стран, непосредственно примыкающих к Южному Кавказу, добивается Турция. Иран против этого, Россия более «против», чем «за». В этих условиях стремления Турции будут оценены в Иране и России как неуместные ни по времени (наиболее сложная проблема сейчас вопрос ядерной программы Ирана), ни по форме (Турция не входит в круг международных посредников в Минской группе ОБСЕ), ни по содержанию (и Тегеран, и Москва против какой-либо возможной миротворческой активности НАТО в зоне конфликта).

3. В отношении **России** можно предположить, что трансформация статус-кво в зоне конфликта затронет в негативном плане, помимо указанных выше, и армяно-российские отношения, что откроет для США многие возможности в регионе. В этих условиях, как минимум, американцы могут претендовать на беспрепятственное завершение процесса армяно-турецкой нормализации (обмен дипломатическими представительствами, открытие границы и перенос вопроса Геноцида армян в плоскость долгосрочно вялотекущих обсуждений в армяно-турецкой подкомиссии). Возможно, что именно перспектива такого сценария вынуждает Россию занять категоричную позицию по нецелесообразности связывания процессов армяно-турецкой нормализации и карабахского урегулирования.

В оценках американских экспертов, долгое время работавших в России и хорошо владеющих темой американско-российских отношений, возможность девальвации данных отношений в связи с трансформацией статус-кво в зоне карабахского конфликта просматривается из опосредованных оценок, носящих более общий характер применительно к отношениям между США и Россией. По данным оценкам тема «благоприятного для России урегулирования «замороженных конфликтов» с учетом союзнических обязательств Москвы» внесена последней в общий контекст американско-российского диалога на нынешнем этапе. Так, эксперт Белферского центра науки и международных отношений при Гарвардском университете США (*Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard*

¹⁰ На возрастание интереса США к развитию межгосударственных отношений в регионе и вокруг него указывают часто проводимые в последнее время экспертные обсуждения. По мнению некоторых посвященных экспертов, данные обсуждения инициированы Турцией и, соответственно, не вызваны внутриамериканскими мотивами. Тем не менее, в ходе данных обсуждений затрагиваются вопросы, в частности, ирано-турецких отношений, которые, как мы указывали в наших предыдущих работах, рассматриваются в Вашингтоне с наиболее требующих внимания позиций. К последним обсуждениям на данную тему можно отнести состоявшийся 15 июня 2010 года в Институте Брукинса (*Brookings Institute*, Вашингтон) обмен экспертными мнениями на тему «Турция и Иран: оценивая новую региональную дипломатию». Интересным результатом данного обсуждения, подтвердившем прошлый опыт американско-турецких отношений, стало то, что два следующих вопроса продолжают рассматриваться экспертами в Вашингтоне с позиций наиболее приоритетного для влияния США на политику Турции характера: курдский вопрос и вопрос Геноцида армян. Так, об этом достаточно подробно в ходе указанного обсуждения говорил американский эксперт турецкого происхождения О. Ташпинар (*Omer Tashpinar*). О. Ташпинар является директором программы исследований Турции в Институте Брукинса, а также профессором в Национальном военном колледже США.

University) С. Сараджян (*Simon Saradzhyan*)¹¹ отмечает, что «если обобщить условия дальнейшего участия в движении к «глобальному нулю» (полное ядерное разоружение – **прим. автора**), которые выдвигали представители российского руководства, получится внушительный список» и в качестве одного из пунктов в этом списке С. Сараджян приводит «урегулирование основных конфликтов, включая «замороженные», с учетом заинтересованности России в дружественности соседних государств (подчеркнуто нами - **прим. автора**)»¹².

4. В отношении внутрорегионального контекста последствий трансформации статус-кво в зоне конфликта можно с уверенностью предположить возрастание возможностей США в связи с легко предсказуемым более тесным сближением **Грузии** и Армении. Фактически возможности Армении проводить многовекторный курс будут еще больше ограничены: станет очевидна аморфность механизмов ОДКБ, будут «размыты» двусторонние соглашения между Арменией и Россией, перспектива же евроатлантического будущего Армении будет в жесткой форме привязана не к турецкому направлению (сложности в армяно-турецких отношениях не будут урегулированы, они будут только загнаны в глубину и отложены во времени), а к грузинскому, что представляет для США особую ценность.

Прошедшие летом 2010 года визиты президента России и государственного секретаря США в Армению, с нашей точки зрения, подтверждают выдвинутые в данной работе версии о подходах Москвы и Вашингтона.

Россия укрепила свои позиции в Армении и в регионе в целом, усовершенствовав действующие с армянской стороной соглашения в военно-политической сфере. Последовавший через несколько дней после государственного визита в Армению визит президента России в Азербайджан также можно рассматривать под призмой укрепления российских внешнеполитических позиций в регионе, хотя достижения Москвы в Азербайджане в этом плане выглядят намного скромнее при сравнении с успехами на армянском направлении. Конкретным результатом ви-

зита Д. Медведева в Баку стало подписание российско-азербайджанского договора о государственной границе, в то время как веские обстоятельства позволяют предполагать готовность и настроенность Москвы на более углубленные договоренности с Баку особенно в военно-политической сфере (продление договора аренды Габалинской РЛС, срок которой по действующему соглашению заканчивается в 2012 году) и в сфере поставок современных образцов вооружений и военной техники. В складывающейся ситуации заинтересованности России укрепить свои военно-политические отношения и с Арменией, и с Азербайджаном для российского внешнеполитического курса по самому острому в треугольнике отношений Армения – Россия – Азербайджан вопросу карабахского урегулирования не может быть иного прагматичного подхода, как только исключение возобновления широкомасштабных боевых действий в зоне карабахского конфликта.

Соединенные Штаты, в свою очередь, июльским визитом (2010 год) государственного секретаря Х. Клинтон в три южнокавказские республики продолжили курс на выстраивание равноудаленного паритета в отношениях с Арменией и Азербайджаном, и продвинутых отношений с Грузией, с которой у США подписана Хартия о стратегическом партнерстве (9 января 2009 года)¹³.

Ничего иного, качественно нового, ни Россия, ни США своими последними внешнеполитическими действиями в отношениях с республиками Южного Кавказа не показали, что даёт нам основание предположить продолжение сложившегося статус-кво в регионе в целом и в зоне карабахского конфликта в частности.

Последние события вокруг карабахского конфликта дают основание сделать следующие предположения.

1. Внешние акторы намерены максимально ограничить возможности сторон предпринимать

¹¹ До своей нынешней работы в Белферском центре Гарвардского университета С. Сараджян был заместителем редактора газеты «*Moscow Times*», состоял сотрудником известного американского аналитического центра «Институт Восток – Запад» (*East West Institute*), работал московским корреспондентом известного военно-политического издания «*Defense News*».

¹² **Saradzhyan S.**, Russia and the «Global Zero» // «Russia in Global Affairs», *July 1, 2010*.

¹³ Некоторые американские эксперты указывают на «растущее ощущение того, что США благоволят Армении в карабахском конфликте в виду давления на Белый дом со стороны Армянской диаспоры США» и говорят об этом в контексте «допущенных президентом Б. Обамой нескольких оплошностей, указывающих на отдаление внимания США от процессов на Южном Кавказе». Данными экспертами также указывается на имевшее место в июле 2010 года южнокавказское турне государственного секретаря США с намерением рассеять ощущение отдаления США от процессов в регионе, однако, «практические долгосрочные результаты от данного визита остались неясными». (**Bugajski J.**, *Wider Europe Fall 2010* // Center for Strategic and International Studies, Vol. 1, No. 5, November 2010).

действия интенсивного военного характера в зоне карабахского конфликта. Мы не намерены делать далеко идущие выводы о том, что, например, инцидент от 18-19 июня этого года был спровоцирован с внешней стороны, но наличие этого инцидента как нельзя удобно вписывается в намерения внешних акторов по исключению широкомасштабных военных действий сторон.

Параллельно с этим и на взаимосвязанных с вышеуказанным позициях, внешние акторы намерены найти легитимные основания для того, чтобы отсрочить принятие неких базовых принципов урегулирования конфликта («мадридские принципы»). Это может показаться не соответствующим заявлениям России, США и Франции, в которых упоминается стремление к созданию условий для сторон конфликта выйти в оперативном темпе на конкретные соглашения в рамках «мадридских принципов». Совместное заявление президентов России, США и Франции от 26 июня 2010 года (саммит «G-8» в Канаде) в той части, которая касается перечисления базовых принципов урегулирования конфликта, полностью повторяет последовательность и содержание совместного заявления президентов России, США и Франции от 10 июля 2009 года. Это может означать, что внешние акторы не в состоянии предложить сторонам каких-либо качественных прорывов в базовых принципов, а то, что указывается два года подряд для них известно в качестве в целом неприемлемых для сторон конфликта элементов. В условиях, когда, как выразился известный американский аналитик Дж. Фридман (руководитель аналитического центра «STRATFOR»), «вернее говорить не о том, что у конфликта нет решения, а о том, что решать нечего», остается только искать легитимные основания для постоянной пролонгации ведения обсуждений между Арменией и Азербайджаном.

Для всех трех акторов в механизме международного посредничества (Минская группа ОБСЕ) очевидно следующее: Нагорный Карабах никогда добровольно не вернется в состав Азербайджана, соответственно, вернуть его туда может только благополучно сложившийся для Азербайджана силовой сценарий. Последний на нынешнем этапе и в перспективе до 2012 года неудобен и для России, и для США. Для последних он менее неудобен, чем для России, но и для Вашингтона есть ряд причин, в связи с которыми «карабахская эскалация» не представляется целесообразной на нынешнем этапе (в условиях очевидных и прогрессирующих трудностей США в Афганистане, в условиях ненадежности Турции и ее углубляющихся отношений с Росси-

ей и Ираном, в условиях зависшего вопроса ядерной программы Ирана). На неудобность для США каких-либо эскалационных действий в зоне конфликта указывают и такие более приземленные, но не менее существенные причины, как например, огромные трудности, с которыми столкнулась в последнее время британская «British Petroleum» (утечка нефти в Мексиканском заливе, которая, если еще и прибавятся политические риски в связи с крупными проектами «BP» в Азербайджане, может на долгие годы подорвать позиции этой компании на мировом рынке нефти).

Катастрофа в Мексиканском заливе может иметь далеко идущие негативные последствия не только для самой «British Petroleum», но и для внутривнутриполитического расклада сил в США, который также отодвинет гипотетическую перспективу «решительного настроя» США достичь конкретных решений в карабахском урегулировании на нынешнем этапе. 2 ноября 2010 года в США прошли промежуточные выборы в Конгрессе, по итогам которых республиканцы значительно укрепили свои позиции в системе законодательной власти страны. Интересно, что еще за несколько месяцев до выборов многие комментаторы констатировали большую вероятность усиления позиций республиканцев и соответственно ослабления позиций демократов в Конгрессе США¹⁴. Опыт прошлых лет доказал, что внешнеполитический курс республиканцев всегда отличался своей открытой конкуренцией с Россией, в отдельные периоды переходившей к прямой конфронтации. Подобное развитие ситуации, помимо прочего, будет способствовать консервации карабахского конфликта, а не ускорению его урегулирования.

2. Возможности Турции влиять на действия Азербайджана по военной реэскалации конфликта стали еще более существенными. Если в период сравнительно активного протекания процесса

¹⁴ Так, старший аналитик по энергетике американской компании «IHS Energy» Э. Нефф (Andrew Neff), комментируя политические риски по итогам катастрофы в Мексиканском заливе, отмечал, что нефтяные компании никогда не были крупными спонсорами Демократической партии США, а скорее поддерживали республиканцев. В 2008 году консерваторы отличились, запустив кампанию «Бури, детка, бури!» («Drill, baby, dril»), в то время как демократы противились добыче нефти на Аляске и призывали к ее сокращению. Сейчас нефтяники еще активнее начнут поддерживать кандидатов-республиканцев. Вопрос только в том, сколько мест потеряют демократы на промежуточных выборах в ноябре. (Нефтяная дилемма Обамы // «Независимая газета», 16.07.2010).

армяно-турецкой нормализации в прошлом году для США представлялось одним из практически достигнутых результатов этого процесса дистанцирование Баку от Анкары и вытекающие из этого последствия (в том числе и в аспекте тесного азербайджано-турецкого консультирования по возможности военного сценария в зоне конфликта), то после «заморозки» этого процесса и урегулирования азербайджано-турецких разногласий по покупке Анкарой газа у Баку эти ожидания Вашингтона нивелированы. Роль Турции в вопросе возможной инициативности Азербайджана по карабахской реэскалации выросла на фоне целого ряда причин, в которых укрепление данной роли важно Турции для проведения ею гиперактивной внешней политики в регионе. К этим причинам можно отнести: возрастание угрозы силовых акций Запада в отношении Ирана, что не оставляет Азербайджану другой перспективы, как только получить «зонтик безопасности» со стороны страны-члена НАТО (Турция); осложнение турецко-израильских отношений, что также сужает рамки маневрирования для Баку, от которого в Анкаре ожидают солидарности «по израильской теме»; укрепление позиций Турции в арабском мире, что представляется для Азербайджана особо ценным элементом в условиях большого количества арабских стран в ООН, поддержка которых в случае военной инициативности Баку в Карабахе будет особенно кстати; только Турция говорит о необходимости полной трансформации статус-кво в зоне конфликта с полностью благоприятных для Азербайджана позиций (передача райнов без каких-либо условий).

Для Турции важно не оперирование (то есть не использование в «полевых условиях») ролью стороны, дающей Азербайджану санкцию на силовой сценарий, а важен сам факт понимания этой роли со стороны России, США, ЕС. Тем самым, Турция становится страной, от которой в глазах указанных внешних акторов зависит реальная стабильность в зоне конфликта и в сопредельных ей регионах.

3. В условиях все большего укрепления в Южном Кавказе протекционной системы отношений между Арменией, Азербайджаном, Грузией и, соответственно, Россией, Турцией, США представляется очевидным следующее: любые судьбоносные шаги Армении или Азербайджана (как это было в августе 2008 года со стороны Грузии) будут еще больше ассоциироваться с Россией или Турцией, так как эти страны непосредственно примыкают к региону и имеют между собой соответствующие соглашения (если

США удалось избежать прямых обвинений в санкционировании действий Грузии в августе 2008 года, то это удалось Вашингтону с определенным трудом, с использованием своих глобальных дипломатических ресурсов для отклонения от себя этих обвинений).

Таким образом, можно констатировать следующую реальность: военная эскалация между Арменией и Азербайджаном не может носить локальный характер, так как само появление этой эскалации будет связываться с принципиальной ролью Турции в качестве страны, дающей санкцию и принципиальной ролью России, не имеющей возможности не занять более благоприятной по отношению к Армении позиции. Отсюда, можно с трудом представить ситуацию в рамках которой Москве и Анкаре удалось бы сохранить уровень своих отношений, если бы они действовали в ситуации карабахской реэскалации.

4. Баланс интересов сторон конфликта, который зачастую не совсем правильно именуется компромиссом, вокруг процесса урегулирования не достижим как минимум в среднесрочной перспективе (от 3-х до 5 лет). Со стороны экспертного сообщества об этом стали делаться весьма категоричные оценки, которые еще не так давно были достаточны редки на экспертной авансцене. Так, известный российский эксперт, гендиректор Фонда национальной энергетической безопасности К. Симонов делает вывод о том, что «... в Азербайджане и Армении: никто не согласен на компромисс», и в качестве аргумента приводит не совсем корректную мысль (в части упоминания Нагорного Карабаха как территории Армении) о территориальной подоплеке такого положения дел: «Достаточно просто посмотреть на карту, чтобы понять, что территория Нагорного Карабаха занимает более трети территории современной Армении. Трудно представить, что Армения добровольно согласится отдать треть своей территории»¹⁵.

Недостижимость баланса интересов вынуждает внешние конфликту силы и сами его стороны довольствоваться, до достижения баланса интересов, балансом сил, что только и может удерживать конфликт от своей очередной военной эскалации. Баланс сил извне формируется в основном поставками вооружений и военной техники (ВВТ), а также наличием негласных и официальных соглашений двустороннего характера о по-

¹⁵ Никто не согласен на компромисс // газета «Взгляд» (электронное периодическое издание), 19 августа 2010, <http://vz.ru/politics/2010/8/19/426519.html>.

мощи сторонам конфликта в случае возобновления боевых действий. Баланс сил внутри формируется в первую очередь фактом занятия армянскими силами территорий исторического Арцаха (вокруг бывшей НКАО), представляющие незаменимую ценность с позиций военной стратегии и тактики, вероятности новой агрессии со стороны Азербайджана по отношению к НКР. Баланс сил извне формируется в основном силами России и Турции, представляющими соответственно Армении и Азербайджану указанные выше элементы «материального» (ВВТ) и «морального» (гарантии) свойства. Баланс сил внутри основан на усилиях всех трех сторон конфликта в лице Армении, НКР и Азербайджана.

США заинтересованы в нарушении баланса сил извне, так как это приведет к новой перегруппировки сил в регионе, в том числе и между региональными державами – Россия, Турция, Иран, и возможно новой переориентации самих стран региона Южный Кавказ. Но они не заинтересованы в нарушении баланса сил внутри, так как это приведет к кардинальным сдвигам в конфликте, вплоть до новых фактов геноцида, этнических чисток и массового оттока населения из прилегающих к зоне конфликта территорий. Таким образом, позиции США и России, о которых в последнее время применительно к процессу карабахского урегулирования стало обычным говорить как о совпадающих позициях, на самом деле совпадают в одном из элементов баланса сил, но разнятся в другом. По вопросу поддержания баланса сил извне позиции Вашингтона и Москвы различны, по внутренней же составляющей этого вопроса – они в целом совпадают.

5. Территории Низинного Карабаха вместе со всем ареалом армянской государственности в Южном Кавказе в военнополитическом плане составляют пространство, находящееся де-факто под влиянием ОДКБ и непосредственно России. Данное влияние, помимо ментальных проявлений, имеет практические выражения, заключающиеся в нахождении и эксплуатации советской и российской военной техники в данном ареале. Закупкам вооружений в Армении и Азербайджане придается особое значение, так как от этого ставится в прямую зависимость соответственно возможность обороны и наступления в случае возобновления боевых действий в зоне конфликта. Поставки российских вооружений в Армению и Азербайджан, по всей видимости, самая чувствительная тема для армянской общественности, через призму которой оценивается мно-

жество других факторов российской политики в регионе¹⁶.

Заключение более продвинутых соглашений с Арменией по российской военной базе на территории последней призвано снять озабоченности армянской стороны и тем самым скомпенсировать (по оценке российской стороны) весьма выгодное для России сотрудничество с Азербайджаном в военно-технической сфере (Азербайджан по существу единственная республика на всем пространстве СНГ, интерес которой к закупкам современной военной техники из России основан сразу на двух элементах – финансовые возможности¹⁷ и стремление к гонке вооружений в своем регионе).

В случае продолжения развития военно-технического сотрудничества между Россией и Азербайджаном позиция армянской стороны в территориальном аспекте карабахского вопроса станет еще более жесткой.

Важно отметить, что развитие российско-азербайджанских военных связей, видящееся из Москвы в качестве важного элемента удержания Баку от окончательных решений в пользу своей интеграции в НАТО, возможно на фоне сохранения контроля армянской стороной над территориями Низинного Карабаха. Планы России по поставкам в Азербайджан двух дивизионов ЗРК С-300 могут быть тесно связаны с пролонгацией российско-азербайджанского договора аренды Габалинской РЛС (действующий договор определяет 2012 год в качестве предельного срока своего действия) и этим планам может быть придан комплексный характер: системы С-300 и Габалинская РЛС несут взаимодополняющую функцию по контролю и защите воздушного пространства Азербайджана. При ограниченных возможностях авиации армянской стороны наносить ракетно-бомбовые удары по территории Азербайджана в то же время необходимо учитывать возможности армянских вооруженных сил

¹⁶ В публикациях некоторых российских экспертов делаются выводы, которые не могут не настораживать их армянских коллег на предмет категоричности некоторых оценок в свете известного обсуждения вопроса поставок Россией комплексов С-300 Азербайджану. Здесь мы отметим совместную публикацию Калининой Н. и Козюлина В. («Договор о торговле оружием: заставить пушки замолчать») в авторитетном российском журнале *«Индекс Безопасности»* (№ 3 (94), Осень 2010). В ней авторы констатируют следующее: «Сегодня Россия никому не позволяет нарушить святость сферы оружейного экспорта и готова рисковать для этого любыми политическими ресурсами и даже репутацией».

¹⁷ По некоторым оценкам, Азербайджан в состоянии ежегодно закупать вооружения и военную технику на 500-600 млн. долларов.

ракетными ударами наземной составляющей привести в недееспособное состояние нефтегазовую инфраструктуру Азербайджана. Поставив С-300 и продлив договор аренды Габалинской РЛС, Россия может добиться несколько важных целей на фоне сохранения контроля армянской стороны над территориями Низинного Карабаха: 1) сохранение контроля над этими территориями может быть согласовано с армянской стороной в качестве компенсирующего поставки Россией Азербайджану современной военной техники элемента; 2) Россия таким формальным образом примет участие в деле обеспечения безопасности нефтегазовой инфраструктуры Азербайджана, осуществляющей поставки энергоресурсов на внешние рынки, сохранив в реальности рычаги воздействия на бесперебойность данных поставок в случае возобновления боевых действий в зоне конфликта; 3) Россия сконцентрирует в своих руках поставки вооружений Армении и Азербайджану, тем самым усилив еще больше свои потенции влиять на действия сторон конфликта в глазах внерегиональных сил и прежде всего США. Концентрации этих поставок силами России способствует множество объективных факторов, среди которых в частности можно упомянуть отсутствие непосредственной сухопутной границы между Азербайджаном и Турцией. В условиях отсутствия подобной же связи между Россией и Арменией представляется еще более оправданным сохранение контроля армянской стороны над территориями Низинного Карабаха.

The Position of Russia and the USA Regarding the Status Quo in the Area of Karabakh Conflict

Mikhail Aghajanyan

The approaches of Russia and the USA towards the problem of preserving the current status quo in the area of Karabakh conflict have got both similar and at the same time diverse features. The common approaches can be characterized as the interest of the USA and Russia in firm control over the situation in the area of conflict in terms of foreseeing the possibility of resumption of military actions. Restraining the third countries, first of all those bordering upon the conflict area, such as Turkey and Iran, from getting involved in the conflict in case of resumption of the potential military actions can also be mentioned among the common interests.

The following fact is obvious for Russia and the USA: Nagorno-Karabakh will never become a part of Azerbaijan by itself, accordingly, only a power-driven scenario favourably tailored for Azerbaijan can make the NKR turn back again. The military scenario in the current stage and in the perspective until 2012 is not quite suitable for the both countries - Russia and the USA. It suits the USA least than Russia, though Washington also finds a number of reasons for which "Karabakh escalation" doesn't feel sensible in the current stage (in respect of the USA obvious and progressing complications in Afghanistan, Turkey's non-reliability and expansion of relations with Russia and Iran, the suspended problem of Iran's nuclear programme). Within the content - subject framework of "Karabakh conflict" - Armenia-the NKR-Azerbaijan, - neither Russia, nor the USA call in question any more the obvious fact of the NKR's de facto independence and impossibility for Artsakh to be a part of Azerbaijan in any format.

As to the differences in the approaches of Russia and the USA the author mentions several peculiarities of policy of Moscow and Washington relating to Karabakh problem.

Russia considers the current status quo as a relatively optimal balance in the conflict zone and is not looking for shattering it. The position of Russia in regard to the status quo in the area of Karabakh conflict projects an objective position of the country which is to the utmost, as compared with the USA and the EU, "present in the region". The countries geographically adjacent to the conflict zone objectively cannot be looking for destabilization, and even if they would like to review the status quo, they have to get something as important instead as to counterbalance the possibility of destabilization at their borders. There is "nothing as important" in the current phase and is not expected by Russia in the medium-term perspective in near future.

The position of the USA on the status quo and on the settlement of Karabakh problem in general is quite far from the attempt to accept or to deliberately interpret the reasons of Karabakh conflict in the light of the Azeri-Turkish policy, like "occupation of Azeri lands became the reason of the conflict over Nagorno-Karabakh."

Along with that, the position of the USA should not be reviewed also in the light of Russia's approach. The statements by the Russian authorities have never openly expressed a thesis implying the "necessity to alter the status quo". The statements by the American authorities did not contain such pattern either, but they expressed a thesis close to it: "The current status quo doesn't fit us". The USA

reviews the conflict through the prism of its geo-political and geo-economic priorities, that's why Washington always correlates its position and interests in the settlement of the conflict with its relations with other interested countries. It is the position of the biggest power and it does not go deep into the essence of the conflict. The mentioned above doesn't mean that the USA is prone to linking the settlement of the Karabakh problem to other problems (a deal-style policy), but merely states that Washington tends to trace the dynamics and the content of the conflict settlement process through a permanent analysis of its relations with Russia and partially with Turkey. In other words Russia takes into account mainly the positions of the immediate parties to the conflict whereas Washington assesses the situation through its relations with the outer actors.

It is crucial to mention that the status quo in the statements of the American authorities has never been introduced solely in the territorial aspect. When speaking about the status quo the USA perceives the wider character of the phenomenon, including the economic, humanitarian and foreign policy constituents. As to the latter, it doesn't mean that the USA will consider in the visible perspective the involvement of the third countries in the conflict under any conditions expedient for them. It's better to say that the USA speaks about the appropriateness of the transformation of the status quo only when it can strengthen (in their opinion)

their own positions in the region and at the borders, and, correspondingly, weaken the positions of Russia, Turkey and Iran.

The visits of the President of Russia and the State Secretary of the USA to Armenia in summer of 2010, from our point of view, support the versions on the positions of Moscow and Washington outlined in the given work. Russia has asserted its positions in Armenia and in the region on the whole by improving the current agreements with Armenia in the military-political sphere. The state visit of the President of Russia to Armenia was followed by another visit to Azerbaijan which can also be considered in the light of strengthening the positions of Russia's foreign policy in the region though the achievements of Moscow in Azerbaijan are less impressive in comparison with the success in the Armenian direction. The USA, in its turn, by the visit of the State Secretary Hillary Clinton to all of the three Republics in Southern Caucasia in July 2010 continued its course on building equal-distance parity in relations with Armenia and Azerbaijan and advanced relations with Georgia with which they signed a Charter on Strategic Partnership on January 9 in 2009. Neither Russia, nor the USA has suggested something brand-new by their last actions in the field of foreign policy in relations with the Republics of Southern Caucasia and that allows to assume continuation of the status quo in the region in general and in the zone of Karabakh conflict in particular.